

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 327

Н. А. Самойлов

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В ОЦЕНКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Отношения Китайской Народной Республики со странами Европейского Союза в настоящее время приобретают все большую значимость. В 2003 г. Китай и ЕС установили между собой отношения стратегического партнерства. При этом Европейский Союз сделал упор на общих интересах не только в сфере двусторонних отношений, но и в том, что касается глобальных проблем современности. С этого момента можно говорить об активизации политических и экономических связей между КНР и странами ЕС. Объем торговли Китая с государствами — членами Европейского Союза к 2008 г. достиг 425,6 млрд долл., а в 2010 г. составил 479,71 млрд долл. Развиваются взаимные культурные обмены, наблюдается оживление связей в области науки, техники, образования, охраны окружающей среды. Регулярными стали встречи лидеров Китая и стран Европы, обмены визитами на высшем уровне.

В 2006 г., т. е. спустя три года после провозглашения стратегического партнерства, Европейская Комиссия попыталась суммировать некоторые итоги и определить перспективы двусторонних отношений, что было зафиксировано в Сообщении «ЕС — Китай: тесное сотрудничество, возросшая ответственность». Оценки не были однозначными. Наряду с констатацией явных достижений в развитии отношений обращалось внимание и на наличие серьезных проблем. В документе говорилось о том, что Китаю следовало бы шире открыть свой рынок и обеспечить честную рыночную конкуренцию, убрать или существенно сократить торговые и нетарифные барьеры, полностью выполнять обязательства, взятые в рамках ВТО, лучше защищать права на интеллектуальную собственность. Много говорилось и о необходимости «соблюдать права человека».

В дальнейшем периоды активного взаимодействия и даже сближения Китая и Европейского Союза чередовались с заметным охлаждением взаимоотношений. Например, саммит ЕС — Китай в 2008 г. не состоялся по инициативе КНР в связи с тем, что председательствовавший в то время в ЕС президент Франции Н. Саркози накануне встре-

¹ В статье использованы материалы, собранные в ходе научно-исследовательской работы во Франции в апреле-мае 2010 г. по гранту Foundation Maison des Sciences de l'Homme (FMSH).

© Н. А. Самойлов, 2011

чался с духовным лидером тибетцев Далай-ламой, а это исходя из принципов внешней политики КНР является неприемлемым.

Нужно отметить, что при этом обе стороны понимают объективную необходимость как углубления двусторонних партнерских отношений между КНР и Европейским Союзом, так и развития связей между Китаем и отдельными государствами — членами ЕС. В вопросах развития и укрепления стратегического партнерства актуальным, а может быть, и самым главным на сегодняшний день представляется создание механизма, способного, с одной стороны, прогнозировать и выдвигать долгосрочные цели сотрудничества, а с другой — предвидеть появление возможных проблем.

В силу сказанного в настоящий момент европейские китаеведы заметно активизировали изучение означенного круга вопросов. В самое последнее время появилось много интересных исследований, основанных на новых методологических подходах и посвященных анализу основных направлений внешней политики КНР и отношений Китая со странами Европейского Союза, а также с Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией. Особое место в новейших работах занимают вопросы трансформации механизма принятия внешнеполитических решений в КНР.

Известный французский ученый Ж.-П. Кабестан, ныне работающий в Баптистском университете Гонконга и продолжающий сотрудничать с Центром азиатских исследований в Париже, который он возглавлял в течение длительного периода времени, посвятил свое исследование изучению процесса принятия решений по вопросам внешней политики и безопасности в период руководства Ху Цзиньтао [1]. По его мнению, формулирование основных внешнеполитических решений в КНР по-прежнему остается прерогативой КПК, однако в условиях глобализации и децентрализации в КНР растет число новых влиятельных сил, имеющих определенный вес в процессе принятия внешнеполитических решений.

Ж.-П. Кабестан обращает внимание на то, что начиная с 1989 г. Генеральный секретарь ЦК КПК также является Председателем Центрального Военного совета, а с 1993 г. и Председателем КНР. Кабестан сравнивает данную ситуацию с той, которая сложилась в СССР после 1977 г. и делает заключение, что «личная власть Ху Цзиньтао существенно превосходит ту, которой располагают Барак Обама, Ангела Меркель и Николя Саркози» [1, р. 70].

Вместе с тем в последнее время во внешнеполитических вопросах постоянно растет роль заместителя Председателя КНР и вероятного преемника Ху Цзиньтао Си Цзиньпина. В 2007 г. он активно занялся вопросами Сянгана и Аомэня, в 2008 г. совершил свой первый официальный визит за границу — в КНДР и Монголию. В 2009 г. круг его зарубежных визитов расширился вплоть до Латинской Америки и стран Карибского бассейна.

Серьезное влияние на внешнюю политику КНР, по мнению Кабестана, оказывает НОАК. Возрастает роль Министерства торговли, особенно после вступления Китая в ВТО. Министерство иностранных дел, контролируя деятельность дипломатических представительств КНР в зарубежных странах, в настоящее время сосредоточило внимание на создании позитивного имиджа своей страны в глазах мировой общественности. В распространении знаний о Китае, продвижении китайского языка за рубежом и пропаганде китайской культуры и искусства МИДу активно помогает Министерство образования, поддерживающее деятельность Институтов Конфуция [1, р. 83].

Кроме того, Ж.-П. Кабестан отмечает, что в руководстве КНР существуют так называемые «небольшие руководящие группы» (*lingdao xiaozu*), включающие видных

государственных деятелей и создающиеся в целях оперативной разработки текущих проблем ключевого характера. В их состав всегда входят самые значимые фигуры, влияющие на формирование ключевых направлений внешней политики КНР. Среди них Кабестан упоминает Цянь Цичэня, бывшего министра иностранных дел КНР.

По мнению Кабестана, показателем влияния подобных групп является политический взлет и быстрая карьера Дай Бинго. Туцзя по национальности, Дай Бинго окончил факультет иностранных языков Сычуаньского университета, специализируясь по русскому языку. Играл важную роль в процессе нормализации отношений КНР и СССР. В 1989–1991 гг. был послом в Венгрии. Он много лет работал в китайском МИДе, но взлет его карьеры приходится на 1997 г., когда Дай Бинго был назначен заведующим Международным отделом ЦК КПК. Эту должность он занимал до 2003 г. С 2008 г. он занимает пост вице-преьера Госсовета, курирующего международные вопросы. Дай Бинго играет очень большую роль в разрешении конфликтов, возникающих на Корейском полуострове. В июле 2009 г. ему было предоставлено право заменить Ху Цзиньтао на саммите G8, когда тому пришлось срочно покинуть встречу и вернуться в Китай из-за начавшихся в Синьцзян-Уйгурском автономном районе беспорядков. Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер назвал Дай Бинго «выдающейся личностью», подобное же определение дал ему и Збигнев Бжезинский.

Как отмечает Ж.-П. Кабестан, в период руководства Ху Цзиньтао в процессе принятия ключевых внешнеполитических решений возросла роль «мозговых центров» — научно-исследовательских институтов, занимающихся вопросами международных отношений и стратегическими исследованиями [1, р. 85]. Среди них выделяются Институт стратегических исследований при Центральной партийной школе, Китайский институт международных отношений, Китайский институт международных стратегических исследований.

Все большую роль во внешней политике КНР, как считает Кабестан, играют крупные корпорации, что часто приводит к столкновению интересов.

Исследование Ж.-П. Кабестана представляет собой образец тщательного фактографического анализа ситуации с привлечением добротных методологических приемов.

Большой интерес к изучению внешней политики Китая проявляют в настоящее время и в странах Северной Европы, где исследователи также пытаются понять причины, обуславливающие внешнеполитические решения современного китайского руководства. Очень интересное исследование в этом направлении предприняли сотрудники Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (SIPRI). Работа Л. Якобсон и Д. Нокса озаглавлена «Новые игроки на внешнеполитической арене Китая» [2]. Авторы так же, как и Ж.-П. Кабестан, обратили внимание на то, что с ростом международного влияния и авторитета Китая, обусловленного его экономической мощью, все большее количество игроков стремятся повлиять на решения высшего руководства страны. К их числу Л. Якобсон и Д. Нокс относят высокопоставленных государственных чиновников, командный состав НОАК, интеллектуалов, бизнесменов и СМИ.

Линда Якобсон, курирующая китайское направление исследований, проводимых в SIPRI, утверждает, что в настоящее время нельзя больше считать тех, кто несет ответственность за принятие внешнеполитических решений в Китае, единой силой и всем, кто желает сотрудничать с Китаем, необходимо учитывать потенциальную заинтересованность в этом деле со стороны различных групп.

При написании своего исследования авторы использовали методику проведения интервью, для чего выезжали в Китай и работали непосредственно с респондентами. Выводы делаются на основании 71 интервью. В число респондентов входили должностные лица Коммунистической партии Китая, представители командного состава Народно-Освободительной Армии Китая, сотрудники государственных компаний, исследователи, журналисты и даже блоггеры.

Линда Якобсон отмечает, что, по мнению многих респондентов, Министерство иностранных дел КНР на сегодняшний день не является достаточно влиятельной силой в разработке стратегии международных отношений. Она делает вывод, что сегодня на первом плане оказываются структуры Коммунистической партии Китая: Политбюро и Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК, международный отдел ЦК, а также упоминавшиеся в статье Ж.-П. Кабестана *lingdao xiaozu*. По словам Л. Якобсон и Д. Нокса, в последнее время все большее влияние на внешнюю политику Китая оказывают государственные органы, занимающиеся международной экономической деятельностью.

Существенно то, что эти исследователи отметили присутствие новых «игроков» — крупных предприятий, которые не обязательно напрямую стремятся влиять на внешнюю политику, но в конечном итоге делают это, лоббируя свои экономические интересы. Иногда их действия могут привести к осложнению деятельности китайской дипломатии. В погоне за коммерческой выгодой такие предприятия непреднамеренно вмешивают представителей внешнеполитических ведомств в вопросы, которые носят сложный и не всегда однозначный характер. Возникновение подобных ситуаций авторы исследования прослеживают в политике Пекина в отношении Центральной Азии, Ирана и Судана.

Особое внимание Л. Якобсон и Д. Нокс уделяют представителям Народно-Освободительной Армии Китая и Министерства государственной безопасности и их влиянию на принятие внешнеполитических решений [2, р. 12–16]. Поворотным моментом в этом плане стала Пекинская Олимпиада 2008 г., когда вопросы обеспечения безопасности заняли ведущее место в сфере международной политики и указанные ведомства были подключены к выявлению угроз со стороны международного терроризма. По словам авторов, китайские военные все активнее вовлекаются в обсуждение внешнеполитических тем: они посещают соответствующие конференции и симпозиумы, приглашают китайских и иностранных гражданских исследователей на собственные мероприятия и участвуют в теледебатах о внешней политике. Следует также заметить, что за последнее десятилетие существенно возросла деятельность китайских вооруженных сил за пределами своей страны (участие в миротворческих операциях ООН, совместные учения с войсковыми соединениями иностранных государств, оказание гуманитарной помощи).

Л. Якобсон и Д. Нокс отмечают и возрастающую активность местных администраций в развитии внешних связей Китая. Например, в административном центре Гуанси-Чжуанского автономного района г. Наньнина создана целая система учреждений, обеспечивающих торгово-экономические связи с близлежащими странами АСЕАН [2, р. 33].

Нынешние руководители КНР уделяют очень большое внимание привлечению к разработке внешнеполитических решений представителей научной общественности. По инициативе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао начиная с 2002 г. проводятся «коллективные исследовательские сессии Политбюро», на которые приглашают-

ся представители правительства, НОАК и университетов и где читаются 40-минутные лекции по соответствующим вопросам [2, p. 34].

Таким образом, предложенный Ж.-П. Кабестаном подход к изучению механизма принятия внешнеполитических решений в КНР оказался очень продуктивным. Исследование, проведенное на следующий год сотрудниками SIPRI, подтвердило и расширило на основе большого количества фактических данных основные положения и выводы работы французского китаевода, дав ученым новую пищу для размышления и анализа.

Еще один интересный подход к изучению внешней политики КНР предлагают в своих работах сотрудники Центра азиатских исследований в Париже Ф. Годемон и М. Дюшатель. В 2009 г. они опубликовали совместное исследование, посвященное анализу политики Китая в период руководства Ху Цзиньтао [3], а в 2010 г. представили свои разделы в аналитической работе «Геополитика в китайских терминах» [4; 5].

Ф. Годемон утверждает, что прежние рецепты ведения отношений с Китаем уходят в прошлое и их нужно отбросить. Политика КНР уже не столь радикальная и негибкая, какой она была прежде, Китай часто демонстрирует готовность и стремление к компромиссам [4, p. 2]. Ф. Годемон также отмечает постоянно растущее стремление Китая занять более значимое место в международных делах. В КНР все активнее говорят о внедрении в практику международных отношений «незападного опыта», обусловленного укреплением в мировой политике позиций таких государств, как Китай, Индия, Бразилия и Южная Африка [4, p. 3].

М. Дюшатель акцентирует внимание на региональных аспектах внешней политики КНР. Он обращает внимание на то, что в настоящий момент китайские теоретики в области международных отношений прежде всего обращают внимание на ситуацию внутри так называемой «старой Восточной Азии» (*lao dongya*), т. е. на регион, где Китай исторически имел обширное культурное влияние. Формулы «АСЕАН+1» и «АСЕАН+3» призваны развивать дипломатическую активность Китая в направлении так называемых «циклических кругов» (*duoge tongxinyuan*) [5, p. 6]. За пределами «старой Восточной Азии» внешнеполитические приоритеты отданы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Активность Китая в Центральной и Южной Азии должна быть меньше, и эти районы важны для Китая прежде всего в плане обеспечения стратегической безопасности Синьцзяна и Тибета. В структуре «циклических кругов» для Китая важное место также занимают отношения с такими крупными странами, как США, Россия, Индия и Австралия. Особое место должно быть отведено взаимоотношениям с ближайшим соседом — Японией. Здесь китайские теоретики в области международных отношений предлагают проводить линию, обозначенную формулой «отойти от Америки, войти в Азию» (*tuo mei ru ya*), т. е. стремиться дистанцировать Японию от политики Вашингтона. Безусловно, в Китае помнят жертвы, понесенные от японской агрессии в годы второй мировой войны, но если бы Япония скорректировала свой внешнеполитический курс сегодня, в Пекине могли бы и не упоминать о событиях уже достаточно давней истории.

Исследования, проводимые в парижском Центре азиатских исследований, показывают, что европейские и в первую очередь французские китаеведы всерьез задумываются о формулировании и конструировании нового типа отношений с Китаем, в рамках которого больше места должно быть отведено прагматизму и меньше — идеологии.

Особое место в рассматриваемой проблематике занимают вопросы современного состояния российско-китайских отношений — важнейшего фактора сегодняшней внеш-

ней политики КНР. Эти сюжеты, безусловно, не столь популярны среди европейских исследователей, как тема отношений КНР — ЕС. Одна из причин в том, что мало кто из западноевропейских китаеведов владеет русским языком. Из самых последних работ можно отметить статью двух португальских авторов, профессоров Школы экономики Университета Коимбра М. Р. Фрейре и К. А. Мендес, посвященную вопросам стратегического партнерства России и Китая [6]. Актуальность статьи обусловлена тем, что в Евросоюзе вопросы стратегического партнерства с Китаем в настоящее время приобретают очень большое значение. Подробнее это направление европейского китаеведения предполагается проанализировать в следующей публикации данного цикла.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в настоящее время тема внешней политики Китая становится очень популярной среди европейских исследователей. Учитывая, что сегодня от ученых ждут конкретных рекомендаций относительно будущего развития отношений Евросоюза с Китаем, китаеведы проводят тщательный анализ механизма принятия внешнеполитических решений руководством КНР. На этом пути в последние два года достигнуты серьезные результаты, предложены новые методики исследования, которые могут оказаться полезными и для российских китаеведов.

Литература

1. *Cabestan J.-P.* China's Foreign- and Security-policy. Decision-making process under Hu Jintao // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2009. No 3. P. 63–97.
2. *Jakobson L., Knox D.* New Foreign Policy Actors In China / SIPRI Policy Paper. 2010. No 26.
3. *Duchâtel M., Godement F.* China's Politics under Hu Jintao // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2009. No 3. P. 3–12.
4. *Godement F.* Geopolitics on the Chinese Terms. Introduction. The power shift: winners and losers // *China Analysis*. 2010. September. P. 1–5.
5. *Duchâtel M.* Geopolitics on the Chinese Terms. China's Strategic Choices // *China Analysis*. 2010. September. P. 5–7.
6. *Freire M. R., Mendes C. A.* Realpolitik. Dynamics and Image Construction in the Russia-China Relations Jintao // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2009. No 2. P. 27–52.

Статья поступила в редакцию 12 января 2011 г.